

геометрических характеристик, свойственных тому или иному пространственному образу. Таким образом, описание структуры пространственных образов с опорой на когнитивные основания позволяет описать пространственный фрагмент картины мира поэта, выделив в нем универсальное и индивидуально-авторское.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кубрякова Е. С.* Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово) // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 3–14.
2. *Петрова Г. В.* К некоторым проблемам поэтики И. Ф. Анненского // Вестн. Новгород. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 1998. № 9. С. 56–62.

© Ю. В. Казарин
УрФУ

ИМЯ КНИГИ КАК ЕДИНИЦА ПАРАДИГМЫ КЛАССИФИЦИРУЮЩЕГО ТИПА

Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система представляет собой органический / гармоничный смысловой синтез различных по своей природе подсистем (или «форм»), среди которых доминируют следующие: графическая, просодическая (интонационно-музыкальная), звуковая (фоно-графическая, акустическая), дискурсная (единицы поэтического дискурса: метр, ритм, дикция, рифма, строфа и др.), культурологическая, антропологическая и языковая. Такое комплексное и невероятно сложное строение стихотворения делает его единицей культуры особого типа: данная поэтико-текстовая единица является поливалентной в составе различных парадигм культуры: в музыкальных, в изобразительных (визуальных), в динамических (хореография, театр и т. п.) и, естественно, в словесно-художественных. Поэтический текст вступает в формально-смысловые и иные отношения одновременно с разноприродными (с точки зрения порождения и восприятия) текстами — с песней, с музыкой, со скульптурой, с кино- и телефильмом, с архитектурным

сооружением, с прозаическим и драматургическим текстом и т. д. Поэтический текст, несомненно, обладает способностью вступать как в имманентные (внутритекстовые на уровне различных единиц данного текста), так и в парадигматические отношения межтекстового характера (парадигма поэтических текстов или поэтический текст в смешанной парадигме художественных текстов — прозаического и иных вербальных). Кроме того, стихотворение обладает способностью вступать в сверхпарадигматические отношения (назовем это явление метапарадигматикой), когда поэтический текст функционирует как единица культуры. Таким образом, наблюдается явная иерархия «поэтической парадигматики»:

1. Уровень парадигматических отношений единиц элементарного характера (фонетические, морфемные, словесные и иные оппозиции, ряды, группы, классы и т. п.).

2. Уровень парадигматических отношений единиц, принадлежащих к различным подсистемам поэтического текста (графика — звук — единицы фоносемантики — единицы словообразовательного, грамматического, лексического, синтаксического и дискурсного характера, что вызывает появление смысловых парадигм, основывающихся на синтезе, связи и отталкивании единиц разноприродного характера).

3. Уровень межтекстовой парадигматики: отношения типа поэтический текст — 1 ↔ поэтический текст — 2 и т. д. Или ряд текстов — 1 ↔ ряд текстов — 2.

4. Уровень метапарадигматики в сфере культуры.

5. Комплексные парадигматические отношения всех типов (полипредметные/полиденотативные) поэтического текста, парадигм поэтических текстов, парадигм художественных текстов, парадигм текстов и текстов-единиц искусства и культуры.

Менее исследованными оказываются 2-й, 3-й, 4-й и 5-й уровни поэтической парадигматики. И ключевым для исследования парадигматических потенциалов поэтического текста оказывается феномен межтекстовой парадигматики. Исследование и сопоставление текстовых парадигм, которые принято называть диптих, триптих (и т. д.), цикл и книга, на наш взгляд, будет способствовать выявлению природы

межтекстовой парадигматики в сфере изящной словесности (поэзия / стихотворчество).

В лексикологии (в сфере методологии и методики идеографии) различаются по меньшей мере три типа лексических парадигм: парадигмы вариантного типа (Л. Г. Бабенко [1]), парадигмы классифицирующего типа (В. М. Солнцев [2], Э. В. Кузнецова [3]) и сверхпарадигмы / суперпарадигмы (Э. В. Кузнецова, В. М. Солнцев и др.). В поэтическом текстоведении (в поэтике) данная типология парадигм оказывается вполне применимой. Действительно, горизонтальные, вертикальные и комплексные связи слов — методологически и сущностно — вполне соотносимы с парадигматическим (прямым и потенциальным) функционированием поэтического текста в текстовых парадигмах вариантного / дифференцирующего, классифицирующего и «сверхклассифицирующего» типов. Отдельное стихотворение, входя в состав цикла, книги и целого творчества поэта, вступает в смысло-тематические, концептуальные и прочие связи и другими текстами, реализуя внутри цикла / книги / творчества связи дифференциального / вариантного характера (вертикаль), тогда как целые и цельные парадигмы текстов также реализуют парадигматические связи классифицирующего типа (горизонталь), а система всех текстовых парадигм в творчестве (своде всех текстов, циклов, книг и т. п.) отдельного поэта организовывается и структурируется (и функционирует), реализуя комплексные парадигматические связи и отношения межтекстового, межциклического и межкнижного характера. Описание данных отношений, идеографическая классификация поэтических смыслов (внутритекстового, межтекстового, межпарадигмального / межкнижного и т. д. характера) способствует выявлению а) «идеографических карт» стихотворений; б) идеографических карт циклов и книг стихотворений; в) «идеографического атласа» целого творчества поэта. Поэтическая идеография есть один из эффективнейших способов параметризации поэтического / художественного мира, отображенного в тексте, в цикле, в книге, в творчестве того или иного поэта. В данном случае обнаруживаются следующие пути / направления методологической интенции и конкретной методики поэтико-

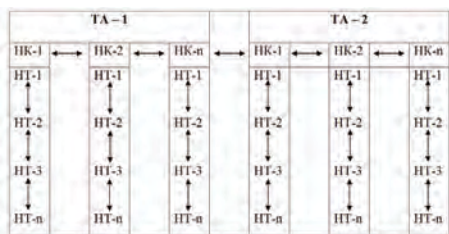
идеографического исследования: а) от названия цикла / книги к названию текста, от названия текста к тексту, от текста к единицам различных сфер / подсистем стихотворения (от графики до языка); б) от единиц текста к тексту, от текста к названию текста, от названия текста к названию цикла / книги; в) от названия цикла / книги к хроно- и геопоэтике целого творчества (к периодам творчества) поэта и г) наоборот, от периода творчества к циклу / книге и т. д.

Однако центром данных множественных парадигматических связей и отношений в сфере суперпарадигмы целого творчества поэта, на наш взгляд, является парадигма классифицирующего (идентифицирующего) типа, в которую входят названия книг. Название книги — это особая, сложная, комплексная номинация сверхобобщенного (но не абстрактного) характера, который обусловлен множественными смысло-тематическими, глубинно-смысловыми, ассоциативными, а также контекстно-культурными, контекстными и сверхконтекстными связями. Название книги — это сложнейшая номинация прямого / образного / отвлеченного / конкретного / интертекстуального / в целом контекстного (в широчайшем смысле) характера. Название книги может быть однословным, двух- и более словным, фразовым, а также цитатным (ср. названия книг Юрия Кузнецова автоцитатного типа: «Выходя на дорогу, душа оглянулась» или «Край света за первым углом»). Название книги — это имя, или метаимя, полной парадигмы стихотворений, входящих в данное собрание текстов. Такое имя детерминировано в свою очередь целой парадигмой различных по своему качеству, объему и природе контекстов: внутритекстовым, текстовым, междутекстовым и свертктекстовым контекстами и факторами, обуславливающими их функционирование и реализующимися одновременно, совокупно и системно (но это предмет другого исследования). Данные контексты образуют сложнейшую сферу смысловых взаимоотношений единиц текста, целого текста и текстов (книги, цикла) дифференциального, идентифицирующего и сверткпарадигматического статусов функциональных классов различных единиц текста и текстов в целом.

Название книги (как и слово вообще, выступающее в различных условиях, сферах и срезах в статусах ономаемы,

синтагмы, текстемы, идеологемы, культуемы, концепта и т. д.) функционирует одновременно в нескольких статусах: номинатема (вне какого-либо контекста, как правило, в прямой номинативной функции), текстема, контекстема (в широком и множественном контексте / контекстах), идеологема, культурема, концепт и др. Имя книги реализует одновременно широкий спектр значений и смыслов — от денотативно-тематических до символических и ассоциативных. Имя книги семантизируется, во-первых, в контексте полной парадигмы названий всех книг данного автора; во-вторых, оно наращивает смыслы в парных оппозициях названий (двух) книг автора, а также, в-третьих, в контексте (вертикальном) одной книги в ряду названных и неназванных стихотворений, которые входят в данную книгу и между которыми возникают отношения вариантного, вариативного и дифференциального характера (книга = текст-1 ↔ текст-2 ↔ текст-3 ↔ текст-*n*). Так, в парадигме названий книг А. Ахматовой явно выражается в прямом номинативном отношении смысл — символ времени, ср.: «Вечер» (1911), «Четки» (1914, перв. изд.), «Белая стая» (1917, перв. изд.), «Подорожник» (1921), «Anno Domini MCMXXI» (1922), «Requiem» (1963), «Бег времени» (1965), — смешанные сборники и книги избранных стихотворений нами не учитывались. Однако семантика времени в именах этих книг, естественно, видоизменяется, расширяется, углубляется, наращивается, редуцируется и конкретизируется в сфере указанных контекстов (межтекстовые, текстовые, культурологические и т. д.). Названия книг А. Ахматовой прямо номинативны (они — в силу своей выраженности словом и словосочетанием — в метапарадигмальном и в метатекстовом состоянии функционально схожи с односоставными именными предложениями бытийности («Вечер», «Подорожник») и характеристики («Белая стая», «Бег времени» [метафорическое]), — здесь, в названиях, реализуется функциональный фантом синтаксичности: движение мысли от слова — к тексту неизбежно синтаксизирует указанные лексемы — названия книг. Следует отметить, что сверхпарадигма / суперпарадигма творчества любого поэта будет иметь в себе парадигмы книг, даже если у автора их и не было в изданном виде; так, у О. Мандельштама всего две именованные книги — «Камень»

и «Tristia», однако известны не издававшиеся при жизни поэта циклы («армянских», «петербургских» и др. стихотворений) и тетради («Воронежские»), которые могут рассматриваться как книги с нулевыми или приблизительными, условными названиями; хотя, смею утверждать, имена неизданных книг поэта могут быть восстановлены или выявлены в процессе исследования всех трех типов поэтических парадигм, наличествующих в творчестве данного поэта. Книга как совокупность стихотворений представляет собой (по вертикали) парадигму дифференцированного / вариантного типа; с другой стороны, книга есть единица другой парадигмы — сверхпарадигмы / суперпарадигмы и своим именем включается в ряд названий иных книг данного автора, который является парадигмой идентифицирующего типа (классифицирующего). Такие множественные отношения отражены в следующей схеме, где НК — название книги; НТ — название текста; ТА — творчество того или иного автора.

В таблице отражены четыре вида парадигматических отношений:

- 1) внутритекстовая парадигматика единиц графики, фоники, дискурса и языка;
- 2) межтекстовая парадигматика (НТ-1 ↔ НТ-n);
- 3) отношения единиц парадигмы текстовых идентификаторов (НК-1 ↔ НК-n);
- 4) межсуперпарадигмальные отношения (сопоставительный аспект; ТА-1 ↔ ТА-2).

Парадигматическое комплексное исследование названий книг основывается на методике следующих анализов: анализе компонентном, контекстологическом, лексико-смысловом,

лингво-смысловом, смысло-тематическом, в целом филологическом, культурологическом и др. Завершается данный этап исследования анализом идеографическим, целью которого является выявление идеографической карты (как функционально-денотативной и смысловой основы поэтической картины мира) стихотворения, цикла и книги стихотворений, а также целого творчества отдельного поэта (или нескольких поэтов — в сопоставлении).

Рассмотрение (предварительного характера) ряда названий книг (одного автора) в статусе номинатом выявляет очевидные смысло-тематические (и денотативные) парадигматические связи между данными единицами. Ср.: книги М. Никулиной «Мой дом и сад», «Имена», «Душа права», «Колея», «Бабья трава» не только выражают смысловой ряд идентификационного характера, но и демонстрируют динамику смыслового развития (в рамках целого творчества этого поэта): место / время → имя мира → духовное (душевное) освоение именованного мира → путь поэта → судьба поэта и мира, то есть наблюдается явное концептуальное движение от реального хронотопа к хронотопу духовному.

Названия книг Е. Извариной «Сны о великом плавании», «По земному кругу», «Страны ночи», «Пояс Ориона», «Времени родник» в целом номинируют оппозицию жизнь ↔ путешествие, отображающую одновременно три смысловые (тематические) парадигмы: 1) движение (концептуальное) от пространства ко времени; 2) синтез внешнего и внутреннего миров во времени; 3) мечты → познание → думы → говорение → вечность.

Все именованные книги А. Кушнера выстраиваются в интереснейшую лексико-семантическую и лексико-грамматическую парадигмы, представляющие собой сложную, комплексную тематическую (идеографическую) группу слов / понятий. Всего их 25 из 36 (детские издания и избранное исключались: основания различные, а классификация должна иметь одно общее основание — имя книги стихотворений; хотя жаль детских [замечательных] книг). Вот они: «Первое впечатление»; «Ночной дозор»; «Приметы»; «Письмо»; «Прямая речь»; «Голос»; «Канва»; «Таврический сад»; «Дневные

сны»; «Живая изгородь»; «Флейтист»; «Ночная музыка»; «Apollo In The Snow»; «На сумеречной звезде»; «Тысячелистник»; «Летучая гряда»; «Пятая стихия»; «Кустарник»; «Волна и камень»; «Холодный май»; «В новом веке»; «Таврический сад»; «Облака выбирают анапест»; «Мелом и углем».

Можно ли интерпретировать данный ряд названий книг в отрыве от совокупного содержания (полного) всех стихотворений, собранных под обложками? Думается, это возможно: название книги стихотворений всегда не случайно и представляет собой, без всякого сомнения, концепт, образ (ключевой), ключевое наименование и т. п. В нашем случае название (заголовок) является также и идентификатором темы, ядерных смыслов, хронотопа. Таким образом, ряд названий книг — это парадигма идентифицирующего (определяющего и обнаруживающего) типа. 24 названия выражены именными (в ключевой позиции) частями речи. Существительное называет главную предметную часть мира, которая, без сомнения, вступает и в процессуальные (глаголы) и в атрибутивные (прилагательные) отношения элементов, составляющих данную сферу. Предметность в поэзии А. Кушнера — доминанта, но не константа: в ряду названий есть одно, выраженное простым нераспространенным предложением «Облака выбирают анапест». Название «Мелом и углем» также отображает процессуальную ситуацию «писать / писано / отмечать». Если интерпретировать весь ряд названий по вертикали, то обнаруживается не только лексико-семантическая логика, но и отмечается, номинируется (автономинируется) путь поэта. Вот эта логико-смысловая цепочка / череда / парадигма: удивление → тревога (забота) → мир → попытка письменного (поэтического) отображения мира → оценка (и самооценка) мира → освоение (поэтическое) мира → обнаружение нового, частного и общего в мире → синтез внутреннего и внешнего миров → «вертикальное» познание мира (и себя), возможно ретроспективное → «вертикальное» познание мира, духовного (от «душа») мира, Невыразимого (возможно проспективное) → познание и называние Невыразимого (стихии, душа, история, Бог etc) → познание беспредельности (пространственной) → познание беспредельности (временной) → осознание онтоло-

гической мощи поэзии → приближение к точке соединения физического и метафизического → ...

Естественно, это не единственный вариант интерпретации метасмыслов, выражаемых названиями книг А. Кушнера. Но — даже в этих субъективных номинациях метасмыслов и метаобразов прослеживается концептуальное движение поэзии А. Кушнера, или — репрезентируется его поэтический путь (термин «путь» в Блоковском понимании).

Смысловое и тематическое членение ряда названий книг выявило следующие группы поэтических идентификаторов.

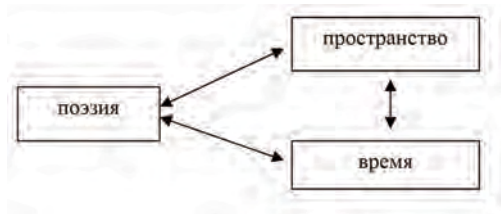
1. Тематическая группа слов со значением эмоционально-психологической / творческой деятельности человека: «Первое впечатление»; «Ночной дозор»; «Приметы»; «Письмо»; «Прямая речь»; «Голос»; «Канва»; «Дневные сны»; «Флейтист»; «Ночная музыка»; «Летучая гряда» (цитата из Пушкина); «Облака выбирают анапест» (приписывание небесному объекту человеческих качеств etc); «Мелом и углем».

2. Тематическая группа слов со значением места (topos): «Таврический сад» (2 раза); «Живая изгородь»; «Apollo In The Snow» (статуя в зимнем саду); «На сумеречной звезде»; «Тысячелистник» (растение — книга etc); «Кустарник»; «Волна и камень».

3. Тематическая группа слов со значением времени (chronos): «Ночной дозор»; «Дневные сны»; «Ночная музыка»; «Холодный май»; «В новом веке».

Отмечу, что некоторые названия являются точками смыслового пересечения тематических групп слов, и это нормально: зоны пересечения, как правило, неизбежны и выполняют соединительную функцию, являясь, таким образом, двойными / удвоенными идентификаторами метасмысловой сферы поэзии А. Кушнера. Доминирует тематическая группа названий со значением эмоционально-психологической / творческой (поэтической) деятельности — всего 14 единиц, — против 5 единиц группы слов со значением времени и 7 единиц группы слов с пространственным значением (пересекаемость этих трех тематических словесных парадигм увеличила число поэтических идентификаторов). В целом, укрупняя и синтезируя полученные данные, можно выявить

следующую смысло-тематическую / метасмысловую триаду: поэзия — пространство — время, или:

Имею смелость (с опорой на данные метасмыслового анализа) утверждать, что в языковой и поэтической личности А. С. Кушнера присутствует и доминирует познавательно-когнитивный компонент, а не изобразительный, констатационный, описательный (дескриптивный). Кроме того, очевидным является то, что поэтическое название Невыразимого у А. Кушнера направлено на объекты пространственного (земного, небесного, стихийного) и временного характера.

Идеографическое исследование единиц внутритекстового, текстового, междутекстового и сверткстового характера должно учитывать особенности их функционирования, взаимосвязи и реализации предметных, образных, глубинных и иных смыслов в составе общей системы парадигм имманентного, вариантного, идентификационного и сверткстового характера. Название книги — это сложная и многостатусная единица, не только идентифицирующая денотативно-смысловую сферу парадигмы текстов, составляющих книгу, но и обеспечивающая смысловые связи как с единицами, подобными ей, так и с единицами, включающимися в суперпарадигмы / сверткпарадигмы целого творчества того или иного поэта. Поэтическая идеография имеет целью выявление идеографической карты любой части, относящейся к любой сфере трех типов парадигм поэтического текста, поэтической книги и поэтического творчества (наследия) — идеографической карты стихотворений, цикла стихотворения, книги и иных совокупностей, собраний, рядов и парадигм поэтических текстов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бабенко Л. Г.* Взаимодействие лексики и грамматики под парадигматическим углом зрения (вместо введения) // *Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой*. Екатеринбург, 1997. С. 23–24.

2. *Солнцев В. М.* Понятие уровня языковой системы // *Вопр. языкознания*. 1972. № 3.

3. *Кузнецова Э. В.* Язык в свете системного подхода. Свердловск, 1983.

© **У. С. Кутяева**
УрФУ

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. КОЛЯДЫ¹

К определению понятия «фольклор» существует несколько подходов. Общим для различных концепций, используемых в традиционной фольклористике, становится понимание фольклора как «народной крестьянской духовной культуры, способом функционирования и трансляции которой является устная традиция» [2]. Следует отметить, что эти признаки были заданы еще классическими работами В. Я. Проппа [6].

Однако на фоне урбанизации, особенно интенсивной в конце XX века, практики крестьянской жизни становятся все менее актуальными, зато происходит развитие городского культурного пространства, которое активно порождает собственные речевые формы, близкие к фольклорным. Стремясь подвести единую методологическую базу под феномены, имеющие сходную природу, но отличающиеся средой функционирования, ряд современных исследователей подходит к расширительной трактовке понятия «фольклор», определяя его через связь с бытовыми практиками, принятыми в обществе (см. работы А. В. Костиной [2], С. Неклюдова [5], К. В. Чистова [7], Л. Г. Ядрышниковой [8]).

Так, Л. Г. Ядрышникова выделяет несколько стадий развития фольклора, каждой из которых соответствует определенный *исторический тип повседневности*. И если, например,

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых в рамках реализации программы развития УрФУ.